

Утренний туман Оленьего Леса окутывал путников холодом сосновых игл, густой, словно еще не растаявший зимний снег.

Сапоги Деймона давили прелую листву подлеска, но звук полностью тонул в пелене тумана, и лишь изредка тихо позвякивали пряжки ножен висевшего на поясе длинного меча, напоминая тихое дыхание одинокого волка.

Что же касается их коней — или, вернее, их общих коней, — тех оставили еще на опушке Оленьего Леса. Сейчас за ними приглядывали Лад и Малышка Рима: проиграв пару дней назад в споре, они несли наказание, и никто не должен был сменять их до тех пор, пока солнце не перевалинит через самую макушку.

Остальные десять человек разделились на две группы и двинулись с восточной и западной сторон по разным направлениям против ветра; они тоже должны были сойтись в назначенный час, когда солнце окажется в зените, у развилки ручья в северо-западной части зеленой чащи...

Пять фигур затерялись в туманной дымке лесной влаги. Все они были одеты в легкие кожаные доспехи, за спинами висели длинные луки, а у поясов покачивались короткие мечи ступали они чрезвычайно легко.

Деймон шел впереди. Он слегка ссутулился, но все равно возвышался над своими спутниками-подростками почти на полголовы; плечи его были широки, а спина крепка. Воротник кожаного доспеха был небрежно распахнут, обнажая волчий клык на толстом матерчатом шнурке — трофеем с его первой самостоятельной охоты на степного волка, добытого в позапрошлом году.

По правде говоря, если бы не запрет отца, он бы каждый день носил на голове шлем, сделанный из огромных рогов того гигантского самца, которого застрелил собственными руками несколько лет назад. Эта крупная тварь была его самой большой добычей, и он все надеялся поскорее побить собственный рекорд.

Деймон взмахнул рукой, раздвигая висящую клочьями дымку, и оглянулся через плечо. Голос его звучал зычно, но он намеренно приглушил его, говоря тише обычного, чтобы не спугнуть лесную дичь:

— Держитесь бодрей! Кто сегодня первым подстрелит добычу, того по возвращении угощу самым крепким элем.

Сзади раздалось несколько сдержанных смешков. Кайрион почесал затылок, его круглое лицо слегка порозовело в тумане, и он прогудело ответил:

— Господин рыцарь Деймон, а слово свое держите?

— Разумеется, держу, — Деймон широко улыбнулся, обнажив ровные белые зубы, и, глядя на складки плоти, выпиравшие из прорезей кожного доспеха этого парня, не удержался от шутки: — Только тебе придется поспевать за нами, чтобы снова не зацепиться полкой за сук и не распороть себе брюхо.

Все дружно засмеялись, и лишь двое хранили молчание.

Первым был Пик. Он замыкал шествие, и под его одеждой трудно было разобрать полноту, но широкие плечи выдавали в нем человека крепкого телосложения. Глубоко посаженные глаза юноши были постоянно опущены долу, а пальцы до побеления сжимали лук. С самого входа в лес он не произнес ни слова, лишь неотступно следовал за отрядом, не отставая, но и не вырываясь вперед.

Второй молчаливой фигурой был тот самый подросток в середине отряда, закутанный в толстый плащ цвета глубокого серого камня. Капюшон был надвинут так низко, что виднелся лишь короткий серебристый локон, свисавший у шеи и легко колыхавшийся от ветерка.

Фигурка была хрупкой и миниатюрной — даже ниже располневшего Кайриона, — однако шаги отличались удивительной легкостью, ступая по прелой листве практически бесшумно. Если приглядеться, под капюшоном скрывалась девушка — Ивелин. Положив руки на лук, она бдительным взглядом озирала чащу, не участвуя в общих шутках и не пытаясь подстроиться под остальных, напоминая одинокую сосну, затаившуюся в тумане.

Позади Ивелин, прикрывая тыл, шел Корат. Худощавый юноша с чуть выдающимися скулами обладал самым пронзительным и острым взглядом среди всех, однако, оказавшись в чаще, он уже не казался таким ветреным, как минутой ранее. Среди спутников он был старшим, обладал живым умом, но на охоте умел проявлять завидное терпение.

Сейчас он прислушивался к шорохам в лесу, слегка втянув нос, чтобы уловить примесь запаха сырой зелени и звериного духа в летучем тумане. Пальцы юноши машинально оглаживали оперение стрел в колчане — те были вырезаны и отшлифованы им самим, уступая по качеству оружию Деймона, но все же достаточно острым.

— Чую движение, — внезапно Деймон поднял руку, призывая всех остановиться, и издал еле слышное мычание.

Он сам слегка присел, припав к земле, а взгляд его впился в темный силуэт, маячивший в густом тумане чуть впереди.

Спутники мгновенно умолкли и вношу натянули тетиву, впрочем, не испытывая особого страха — хотя мужественного лица Деймона за спиной было не разглядеть, одна лишь эта широкая спина давала полное чувство безопасности в густом лесу.

Кайрион затаил дыхание. Его пальцы, заметно пухлее, чем у остальных, вцепились в тетиву и

слегка подрагивали, но он все же изо всех сил старался держать прицел перед собой. Ивелин чуть развернулась боком, ее ясный взгляд из-под капюшона был холоден и сосредоточен, а пальцы плавно и уверенно натянули тетиву. Глаза Кората сузились, тело натянулось струной, а взгляд молниешуру шарил по туману, пытаясь определить точное положение добычи.

Туман начал рассеиваться, и перед ними постепенно проступила коричневая фигура — матерый самец оленя. Крепкое тело, острые разветвленные рога на голове; опустив голову, зверь щипал молодую траву, совершенно не подозревая о надвигающейся опасности.

Охотники медленно приближались с подветренной стороны, выдерживая идеальную дистанцию и охватывая зверя полукругом, словно сетью, пока олень не оказался всего в двадцати шагах от них. Его дыхание было ровным — наступил безупречный момент для выстрела.

Глаза Деймона блеснули, однако первым стрелять он не стал. Он лишь многозначительно переглянулся с братьями по оружию, а уголки его губ тронула легкая усмешка — было очевидно, что он хочет дать им потренироваться. Эта туша весила самое большее пять-шесть сотен цзиней и никак не соответствовала его личным целям.

Корат восторженно вскрикнул. Сердце его забилось быстрее: он понимал, что это прекрасный шанс. Взрослый олень — шкура годится на сапоги, рога можно сбыть аптекарю, а мясо продать городской страже за неплохую горстку медных монет. Быть может, для Деймона это пустяки, но для него самого этих денег хватило бы, чтобы перед следующей поездкой домой купить матери пару цзиней красного сахара, а себе — новый, более острый короткий меч.

Сделав глубокий вдох, он выровнял дыхание, разжал пальцы на хвостике стрелы, и та со свистом рассекла воздух.

Однако в самый миг, когда снаряд должен был вонзиться в оленя, зверь словно почуял неладное. Резко выбросив голову вверх, он круто подался вбок, и стрела пролетела в дюйме от его хребта, намертво впившись в ствол стоявшего позади соснового дерева; оперение еще долго гулко вибрировало.

— Проклятье! — сквозь зубы выругался Корат, то ли проклиная оленя, то ли самого себя, а в голосе его отчетливо слышалось горькое разочарование.

Худощавый паренек инстинктивно подался вперед, собираясь наложить вторую стрелу, но олень уже был напуган. Ударив копытами о землю, он бросился наутек в самую глубь густого тумана и в мгновение ока скрылся из виду.

Деймон выпрямился, опустил руку на плечо Кората и ободряюще улыбнулся:

— Ничего страшного, в другой раз повезет. Оленей в нашей чаще предостаточно.

Он говорил легко, совершенно не приняв неудачу близко к сердцу — для него охота была в первую очередь развлечением, если, конечно, речь не шла о крупном звере весом сильно за восемьсот цзиней или о редких в этих местах медведях, черных и бурых... В конце концов, обещание добыть младшему брату медвежью рукавицу все еще висело в воздухе.

Однако Корат не мог улыбнуться в ответ. Опустив голову, он так сильно сжимал пальцы, что ногти едва ли не впивались в ладонь, а в груди клокотали самые разные чувства — досада смешивалась с горечью.

В отличие от Деймона, который родился первенцем Лорда Драконов, не зная нужды и получая всё желаемое по одному лишь щелчку пальцев, для Кората охота никогда не была простым развлечением. Она была... редкой возможностью заработать.

Происходя из простых простолюдинов, он считал огромной удачей уже то, что смог поступить в Рыцарскую академию столичного уровня. Жалованье было мизерным, и чтобы хоть немного облегчить жизнь семьи и принести близким утешение, ему приходилось полагаться на такие вот с трудом подвернувшиеся возможности.

Стоявшая рядом с юношей Ивелин опустила лук. Бросив быстрый взгляд на напряженный профиль Кората, она промолчала, лишь едва слышно вздохнула — этот вздох растворился в шелесте лесного ветра, оставшись незамеченным.

Сама она происходила из семьи обедневших рыцарей: хотя до истинной знати ей было далеко, жилось ей всё же чуточку легче, чем детям простолюдинов. И тем не менее, даже ей требовалось промышлять охотой ради карманных денег — дома оставались двое младших братьев и престарелая бабушка.

Отец с матерью состояли на рыцарской службе, и жалование от ордена за последние годы несколько раз повышалось, но нужды большой семьи поглощали всё подчистую. Будучи старшей сестрой, она инстинктивно стремилась взять на себя часть забот. Всё, чем делился с ними Деймон на охоте, и ее собственная добыча — всё это Ивелин по большей части переводила в медные монеты и бережно откладывала.

Что же касается самого Деймона... Украдкой бросив взгляд на высокую фигуру товарища, девушка невольно улыбнулась. Этот парень забирал с убитых зверей лишь самые ценные детали: волчьи клыки, оленьи рога, медвежьи головы, — наверняка он даже понятия не имел, по какой цене на рынке принимают то или иное мясо...

Корат поднял голову, на его лице вновь застыло невозмутимое выражение, хотя в глубине глаз всё еще тлела затаенная досада.

Посмотрев на Деймона, он через силу улыбнулся, однако в голосе уже не было прежней беспечности. Бросив рассеянный взгляд на размытое полотно неба сквозь пелену тумана, юноша произнес:

— Я понял, Деймон. В следующий раз... в следующий раз я непременно попаду!

Опомнившись, он покосился на молчаливую Ивелин. Заметив, что та по-прежнему кутается в капюшон, из-под которого виднелась лишь серебристая прядь, Корат испытал легкое удивление. Он знал, что нравом эта спутница всегда отличалась холодным, но было несложно догадаться — она, как и он сам, питает к охоте совершенно особые чувства. Не ради забавы, а ради того, чтобы скопить хоть немного монет.

Да и... если положить руку на сердце, за исключением самого Деймона, едва ли не каждый в их отряде думал о том же самом.

<http://bllate.org/book/19071/1873230>